

Он следовал методу «кипячения и дезинфекции» при жаре, описанному во втором томе «Новых очерков исследования вещей», и устроил в пустом доме на восточной окраине города простенький «медицинский пункт». Местечко было небольшим: две кровати, один стол да печь для кипячения воды. Все бинты и инструменты обрабатывались кипяченой водой, раны промывались крепким алкоголем, а затем перевязывались прокипяченными полосками ткани.

Син Вань заглянула туда. В комнате было очень чисто, на полу разостлана свежая солома, а в углу стояли несколько глиняных кувшинов с лекарственными травами. Чэн Яньцю как раз присел на корточки перед печью, разжигая огонь, и от жара его лицо покраснелось.

— То, что написано в этой твоей книге... — заговорил он, продолжая возиться с делом и указывая подбородком на раскрытые «Новые очерки исследования вещей» на столе. — Очень похоже на то, что говорил мой наставник. Но мой наставник умел только говорить, а писать — нет. Твоя мама не только умела писать, но и излагала всё так понятно.

Он на мгновение замолчал и повернулся к ней.

— Твоей маме... случайно не нужны ученики?

Син Вань улыбнулась. Чэн Яньцю, пожалуй, был вторым человеком в Гуйдэ-фу, кто отнесся к этой книге со всей серьезностью. Первым был Су Жоюй — тот плотник уже применил принцип шкивов из книги на водяной мельнице.

Закончив работу, Син Вань вернулась в флигель, раскрыла «Новые очерки исследования вещей» и продолжила чтение.

Почерк во второй половине книги стал заметно более неразборчивым. Вместо аккуратной верстки это были уже рукописные заметки. Словно записанные в спешке.

Одна из строчек привлекла ее внимание:

«Осень тринадцатого года Ванли. Префектура Тайпин. Приходил Тао Цзюцзинь. Человек искусен в гончарном деле, как жаль».

Жаль чего? Дальнейший текст был размыт водными пятнами, и разобрать его не удавалось.

Она перевернула страницу. Почерк матери стал беспорядочным, словно та писала прямо во время раздумий:

«Тао Цзюцзинь говорит, что пришли евнухи ведомства соляных и горных налогов. Печь разбили. Жена тяжело больна. С двумя сыновьями бежал на север сюда. Хочу помочь ему».

Син Вань захлопнула книгу.

Префектура Тайпин. Снова префектура Тайпин.

Та выкопанная каменная стела. Старый друг из записок матери. Всё указывало в одном направлении.

Она посмотрела на обломок стелы с высеченными письменами в углу. Что-то медленно поднималось со дна исторических наслоений. Она еще не видела всей картины целиком, но знала: ее мать бывала здесь. И дело не ограничивалось простым перемещением во времени. Не просто прибытием в эту эпоху.

Она еще кое-что сделала.

И теперь Син Вань собирала эти вещи одну за другой.

В Гуйдэ-фу появился предатель.

Об этом узнал Чэнь Анюй. Его сеть «Ушной ветер» — те мелкие нищие, что околачивались на улицах, — доложили о необычном происшествии: маршрут марша мятежников за городом изменился. Раньше они шли с юга, а теперь обошли с запада. К тому же они, казалось, знали, что западный участок обороны Гуйдэ-фу — самый слабый.

— Кто-то сливает им информацию, — лицо Чэнь Анюя было страшным.

Син Вань не стала поднимать шум.

Она разработала план «рыбалки» — подбросила разным людям разные фальшивые сведения. Чжану Лаосаню сказала: «Мы усилили людей на востоке», Рябому Ли: «На западе придется снять половину гарнизона», а Ван Эргоу: «Северная городская стена уже отремонтирована».

Через три дня разведчики мятежников появились на западе — и целенаправленно следили именно за тем участком стены, за который отвечал Рябой Ли.

Предателем оказался один из людей Рябого Ли. Ополченец по имени Чжао Течжу.

Чэнь Анюй схватил его.

Чжао Течжу стоял на коленях, всем телом дрожа. Чуть за тридцать, в городе всего два месяца, а на лице еще виднелись старые шрамы от побоев мятежников.

Син Вань посмотрела на него.

Перед ней встала управленческая дилемма.

Казнить? Она не судья и не имеет полномочий лишать жизни. Да и... сможет ли она?

Отпустить? Слишком опасно. Он продолжит передавать сведения.

Запереть? В городе нет нормальной тюрьмы и лишних людей для охраны.

Она выбрала четвертый путь — открытый суд.

Весь город столпился у городских ворот.

Чжао Течжу был привязан к деревянному столбу.

Син Вань стояла перед людьми. Она не произносила долгих речей. Она просто выложила факты: когда, кому и какую информацию передал Чжао Течжу.

— То, что он сделал, — сказала Син Вань, — при следующем штурме может привести к тому, что кто-то погибнет из-за его доносов. Жизнь каждого здесь присутствующего может оборваться из-за одного его слова.

В толпе кто-то кричал: «Убить его!». Кто-то кричал: «Избить и прогнать!». А кто-то плакал.

Затем заговорил Чжао Течжу.

В слезах он закричал, что вся его семья из пяти человек была схвачена мятежниками во время бегства. Его пожилая мать, жена, трое детей. Мятежники пригрозили перерезать всю его семью, если он не станет передавать сведения.

— Я не хотел вам вредить! — рыдал он. — Я просто хотел, чтобы они выжили...

Толпа затихла.

Син Вань стояла неподвижно.

Впервые она ощутила всю тяжесть принятия решений в смутные времена.

Он не был плохим человеком. Он был загнанным в угол отцом.

Но информация уже ушла. Без наказания появится второй Чжао Течжу, третий Чжао Течжу.

Она закрыла глаза. Три секунды.

Затем открыла их.

— Заключение под стражу на пятнадцать дней. На время срока — тяжелые работы: ремонт городской стены, перенос мешков с песком. Спустя пятнадцать дней, если больше не оступится, — отпустить.

Она сделала паузу.

— И еще — отправить людей на поиски его семьи. Если удастся найти — попытаться спасти.

Чжао Течжу остолбенел.

Он никак не ожидал такого исхода.

В толпе посчитали решение слишком мягким — кто-то выражал недовольство, но другие кивали: «Так тоже сойдет».

Син Вань ничего не стала объяснять.

Она знала, что это не идеальное решение. А какое решение идеальное? Она не знала. В эту эпоху, в этой обстановке идеальных решений не существует. Есть лишь «наименее скверные».

Впоследствии Чжао Течжу кое в чем признался.

— Се Тунчжи... тоже знал о делах со шпионажем.

Взгляд Син Вань похолодел.

— Откуда он узнал?

— Он... он сам приходил ко мне. Спрашивал о численности мятежников за городом. Я ответил. Он выслушал и ушел.

Се Тунчжи собирал информацию.

И вовсе не для обороны города.

А для того, чтобы...

Син Вань не знала для чего именно. Но она понимала: Се Тунчжи становится всё более опасным человеком.

---*Тридцать девять лет назад. Префектура Тайпин.*

После того как из новой печи вышла первая партия керамики, Тао Цзюцзинь стал говорить втрое больше, чем прежде.

Вообще-то он был человеком молчаливым — за день и десятка слов не вымолвил бы. Но Шэнь Роюй заметила, что после успешной модернизации печи он начал сам заводить разговоры.

— Госпожа Шэнь, а этот цвет глазури можно сделать еще темнее?

— Госпожа Шэнь, а если тот вентиляционный канал переделать вот так, сгодится?

— Госпожа Шэнь, вчера я испробовал новый состав глины...

Шэнь Роюй слушала.

И кое-что для себя уяснила: Тао Цзюцзинь не был рядовым ремесленником. В нем был талант. Ей не доставало лишь теоретического руководства. Стоило кому-то подсказать ему, «почему так будет лучше», как он начинал проводить аналогии и даже справлялся лучше, чем она рассчитывала.

Например, стоило ей упомянуть, что «слишком быстрый подъем температуры в печи вызывает пузыри на глазури», как на следующий день Тао Цзюцзинь пристроил у входа в дымоход заслонку, выложив кирпичом наклонную плоскость, чтобы холодный воздух проникал медленно. Сама Шэнь Роюй до такого способа не додумалась — она рассчитывала всё по книгам, тогда как Тао Цзюцзинь дополнял детали чутьем и опытом.

Такой человек на вес золота в любом месте.

Однажды вечером они сидели отдыхали перед печью. Тао Цзюцзинь выпил немного — редкость, раздобыл дешевого рисового вина у соседа.

Напившись, он стал еще разговорчивее.

Он заговорил о своем прошлом.

Потомственный казенный ремесленник. Мастерство передавалось три поколения подряд. Его гончарная мастерская находилась к югу от префектуры Тайпин, масштабом невелика, но изделия отличного качества. Местные богатеи заказывали у него керамику. В самые процветающие времена у него было человек семь-восемь помощников, печи растапливали по шесть раз в год, и товар никогда не залеживался.

— Хорошие тогда были времена, — говорил он ровным голосом. — Жена дома с детьми, я в мастерской. Старшему сыну шесть, младшей дочке три. Возвращаюсь каждый день, а младшенькая бежит ко мне и кричит: «Татенька!».

Он замолчал.

— А потом явились евнухи налогового ведомства.

— Говорили, что открывают рудники, а на деле просто грабили, — голос Тао Цзюцзиня звучал так спокойно, будто он рассказывал о ком-то другом. — Им приглянулась моя мастерская. Заявили, что внизу руда. Велели съезжать. Я отказался. Тогда они разнесли печь. Все помощники разбежались. То, что я копил десять лет, в одну ночь пошло прахом.

— А твоя жена?

— Заболела. Как печь разрушили, она от переживаний слегла на три месяца. А денег на лекаря не было, — его пальцы бессознательно оглаживали край чашки. — Младшая дочка тогда едва трехлетняя была, глупенькая, думала, матушка просто спит. Проснется поутру и первым делом ползет к кровати: «Мама».

Он долго молчал.

— А потом перестала звать.

Шэнь Роюй ничего не ответила.

— Я взял двоих детей и двинулся на север. Слышал, тут есть мастер — мой старший соученик, — да только когда добрался, узнал, что соученик уж помер.

Он смотрел на огонь в печи.

Языки пламени плясали, отражаясь на его лице то вспыхивая, то угасая.

— Старший-то парень смышленный. Ему нынче должно быть шестнадцать. Помогает таскать грузы на пристани, зарабатывает два лян серебра в месяц. Каждые два месяца присылает с кем-нибудь деньги и записку из четырех иероглифов: «Отец, я в порядке».

Тао Цзюцзинь горько усмехнулся. — А младшую... я отвез к ее тетке. Тетка замужем в префектуре Хэцзянь, живут сносно. Я никак не мог ее таскать с собой — мне и печь топить, и заработок искать, а трехлетней девчонке со мной только мучиться.

— Скучаешь по ним?

— Скучаю, — бросил он одно слово.

Затем сделал еще глоток вина и опрокинул в рот последнюю каплю со дна чашки.

— Госпожа Шэнь, — произнес он. — Почему вы так добры ко мне?

Шэнь Роюй подумала немного.

— Потому что твои руки стоят серебра.

Тао Цзюцзинь опешил.

— Мастеру не страшно начинать сначала, — сказала Шэнь Роюй. — Твое ремесло у тебя в руках. Пока руки целы, печь можно отстроить заново. Серебро можно заработать. Дети подрастут и разыщут тебя. Тебе не уменья не хватает — тебе нужно место, где можно снова растопить горн.

Ее голос звучал спокойно и уверенно, словно она излагала неоспоримую истину.

Тао Цзюцзинь опустил голову.

Огонь отражался на его обветренном лице. Уголки его рта дрогнули — то ли в улыбке, то ли он сдерживал что-то.

— Госпожа Шэнь, — промолвил он. — Что бы вы ни сказали впредь, я во всем слушаюсь.

Кто-то расспрашивал о «той новой вдове».

Один из соседей Тао Цзюцзиня прибежал с тайной вестью: какой-то приезжий в приличной одежде ходил по городку от дома к дому и допытывался: «Чем занимается новенькая госпожа Шэнь?».

Выслушав его, Тао Цзюцзинь переменился в лице.

— Не люди ли это евнухов налогового ведомства? — тихо спросил он.

Шэнь Роюй покачала головой.

— Не обязательно. Могут быть и другие.

— Другие?

Шэнь Роюй не стала объяснять. Она прекрасно понимала: прихвостни налоговых евнухов рано или поздно объявятся. Но была иная вероятность: те, кто наводил о ней справки, вовсе не обязательно являлись врагами.

Однако в любом случае ей нельзя было позволять врагам обнаружить себя.

Ей требовалось больше времени на подготовку.

— Дядя Тао, — окликнула она Тао Цзюцзиня, собиравшегося уходить. — С завтрашнего дня я хочу, чтобы ты попробовал обжечь одну новую вещь.

— Какую вещь?

— Кирпич.

Тао Цзюцзинь нахмурился:

— Кирпич? Тот самый, из которого дома строят?

— Необычный кирпич, — ответила Шэнь Роюй. — У меня есть рецепт: обожженный по нему кирпич втрое прочнее обычного серого, он не боится сырости и огня.

Она помолчала и взглянула на руки Тао Цзюцзиня.

На эти руки, сплошь покрытые мозолями и шрамами от ожогов.

— Такой кирпич можно продавать по пять лянов за штуку.

Глаза Тао Цзюцзиня заблестели.

---*Тридцать первый год Ванли. Префектура Тайпин.*

День принадлежал гончарне, Тао Цзюцзиню и прихвостням налоговых евнухов. Лишь с наступлением ночи Шэнь Роюй могла заняться собственным делом.

Она писала книгу.

На столе стояла масляная плошка, и фитиль размером с бобовое зернышко едва освещал пространство меньше трех чи. Каменная чернильница, тушь растерта до густоты. Несколько стоп невысокого качества бумаги — не рисовальной сюаньчжи, а купленной на ярмарке у разносчика шелковичной бумаги с неровными краями, которая впитывала чернила мгновенно.

Она сидела неподвижно уже добрую половину стражи.

Не то чтобы она не знала, что писать — напротив, она знала слишком много.

Тридцать лет учительской работы: механика, термодинамика, оптика, акустика, основы химии и математики — целая система школьной физики целиком умещалась в ее голове. В ту эпоху, откуда она прибыла, это были банальные школьные знания; здесь же — никому не ведомая наука.

Труды по исследованию вещей западных земель, привезенные Маттео Риччи, она тоже просматривала — если разобраться, то лишь самая верхушка айсберга, до целостности ее собственной системы им было далеко.

Потому ей следовало записать всё.

Но проблема заключалась в другом — после того как эти иероглифы лягут на бумагу, кто их станет читать?

Она не могла вообразить такого читателя. Быть может, труд останется невостребованным — написанный, он будет пылиться на полке без единого взгляда. Быть может, через сотни лет его продадут на вес как макулатуру. Или еще хуже — источат черви, испортит плесень, зальет

вода, сожжет огонь, и не уцелеет ни единого целого обрывка.

Ее знания весили слишком много. Весили так тяжело, что она не смела легкомысленно опустить кисть.

Первые три ночи она провела в оцепенении.

На четвертую ночь фитиль с треском щелкнул, и она резко пришла в себя. Развернула бумагу, растерла тушь, обмакнула кисть — острое зависло над бумагой на долю цуня, но казалось, на нем лежал груз в тысячу цзиней, не позволяя коснуться листа. Все пять пальцев побежали от напряжения, а капля чернил на конце кисти набухла, готовая сорваться в любой момент.

Тао Цзюцзинь приподнял занавеску и вошел, неся таз с горячей водой.

Он замер.

— Госпожа Шэнь, поздно уже... Вы это...

— Кое-что пишу.

— Что пишете?

— То, что в голове накопилось.

Тао Цзюцзинь озадаченно склонил голову, разглядывая стопку грубой бумаги, и почесал затылок:

— Напишите... и какая от этого польза?

Шэнь Роюй ответила не сразу.

Лишь спустя долгое время заговорила, понизив голос до предела:

— Если со мной что-то случится, то, что здесь заключено, не должно сгинуть вместе со мной в земле.

Тао Цзюцзинь качнул рукой с тазом.

Он поставил горячую воду на край стола и придвинул низкий табурет. Рот его приоткрылся, но он так и не спросил больше про «то, что в голове» — потому что заметил, как подрагивают

пальцы, сжимающие кисть.

Это была дрожь совсем не испуганного человека.

Так дрожат лишь те, кто стиснул зубы и окончательно нацелился на задуманное.

Шэнь Роюй наконец шумно выдохнула. Кончик кисти коснулся бумаги, оставив крошечную чернильную точку. Собравшись с духом, она начала выводить иероглифы в самом верху листа.

Очень медленно. Очень тяжело. На шершавой бумаге кисть шла с трудом, ни о какой композиции и стиле речи не шло: горизонтальные кривые, вертикальные косые, красотой не блещут — но каждый иероглиф казался стальным гвоздем, вбитым в дерево так, что не выдернешь.

Закончив последнюю черту, она отложила кисть и долго всматривалась в бумажный лист.

Там красовалась всего одна строчка:

«Оставляю сие учение тем из будущих поколений, кому выпадет судьба и нужда познать его».

Шестнадцать иероглифов. На них ушло почти время воскресения одной палочки благовоний.

Тао Цзюцзинь подступил поближе, но не разобрал ни единого знака. Зато он заметил, что глаза Шэнь Роюй покраснели — вовсе не от слез, а от напряжения долго сдерживаемой тяжести, часть которой наконец удалось сбросить.

Он ничего не сказал. Поднял таз с водой и тихонько, на цыпочках, вышел.

Занавеска опустилась. При свете лампы Шэнь Роюй осталась одна.

Она снова взяла кисть.

В ту ночь она писала до самого рассвета.

Монах Хуэймин впервые обратил внимание на Шэнь Роюй поздней осенью, после полудня.

У ворот монастыря Баоэнь рос старый гинкго, листья его пожелтели до предела, и стоило подуть ветру, как они устилали всю землю. По заведенному порядку очисткой двора должен

был заниматься младший послушник, но Хуэймин предпочитал делать это сам. Он часто наставлял Ляочэня: «Метлой метешь не сор снаружи, а грязь в сердце. Убирать землю — значит очищать душу».

В тот день он мерно водил метлой по опавшей листве, когда мимо монастырских ворот проходила женщина.

В синем холщовом платье, с засученными до локтей рукавами, на пальцах виднелись следы гончарной пыли. В руке она несла бамбуковую корзину с глиняными чашками — должно быть, направлялась на базар в городок.

Сначала Хуэймин не придавал ей значения. Но когда женщина проплывала мимо входа, его слух случайно уловил ее дыхание.

Ровное. Протяжное. Три шага вдох, пять шагов выдох. Так дышат либо привыкшие к долгому бегу, либо те, кто годами стоит у кафедры и научился управлять дыханием, чтобы держать голос под контролем.

Такое дыхание никак не пристало вдове гончара.

Он отложил метлу и сложил руки на груди.

— Женщина-благодетельница, прошу, остановитесь.

Шэнь Роюй остановилась и обернулась.

Хуэймин изучающе оглядел ее пару мгновений.

В ее чертах таилось нечто странное — не усталость, не скорбь и не свойственное деревенским бабам простодушие с испугом. То была глубочайшая уверенность, словно повидала она на своем веку куда больше любого жителя этого уездного городка, словно прошагала долгий-долгий путь — столь долгий, что ей уже сделалось безразлично, что о ней думают другие.

— Благодетельница ведь не здешняя уроженка, — медленно промолвил Хуэймин.

— Не здешняя.

— Где же ваш родной дом?

Взгляд Шэнь Роюй едва заметно дрогнул.

— В местах далеких. Настолько далёких... что уже не вернуться.

Хуэймин сложил руки в приветствии и склонил голову, не став допытываться дальше.

Он проводил взглядом ее удаляющуюся фигуру, пока она не скрылась за каменным мостом на окраине городка.

Ляочэнь выбежал из обители с новой метлой в руках:

— Наставник, кто та женщина-благодетельница?

Хуэймин наклонился, снова поднимая старую метлу, и продолжил мести опавшие листья гинкго.

— Запомни: отныне каждые несколько дней отсылай порцию постной еды той госпоже Шэнь.

Ляочэнь озадаченно захлопал глазами:

— С чего это наставник выделил ее?

Хуэймин не прекращал мести и даже не поднял головы:

— Дыхание у нее не такое, как у прочих.

— Дыхание?

— У обычных людей дыхание смятенное — ум не спокоен, и дух не ровен. А у нее дыхание долгое и весомое, словно в груди ее уместается целая вселенная, или словно она проделала долгий путь на одном дыхании, — он замолк на секунду и добавил: — То дыхание не вдовы мастерового. То дыхание человека, что прошел мириады ли сквозь горные заставы.

Ляочэнь мало что понял, но, почесав лысую макушку, убежал обратно в монастырь.

А Хуэймин остался стоять под деревом гинкго, глядя на золотой ковер опавшей листвы, и долго хранил молчание.

Затем он наклонился и снова принялся за работу.

Май четырнадцатого года Чунчжэнь.

Небо было настолько мрачным, будто собиралось рухнуть. На стенах Гуйдэ-фу ветер трепал знамена, поднимая столбы желтой пыли. Вода в рву под стенами казалась мутной и ленивой, извиваясь подобно умирающей змее.

Разведчик принес весть, от которой все онемели.

— Пять тысяч.

Чэнь Анюй стоял в командном пункте, кровь полностью отхлынула от его лица. Он облизал пересохшие губы, и его голос прозвучал глухо:

— Идут с юга. Передовой отряд уже в ста ли отсюда. А позади еще... сосчитать не могу. В общем... тьма-тьмущая.

С этими словами он словно лишился всех костей в теле и привалился спиной к дверному косяку, тяжело дыша. Он мчался сюда без останки, загнав двух лошадей, и даже не притронулся к воде.

Пять тысяч.

Эта цифра тяжелым камнем упала на сердце каждого в командном пункте.

Все защитные силы Гуйдэ-фу, включая обещанные Хань Тиэчжу, но еще не прибывшие отряды, едва насчитывали восемьсот человек.

Восемьсот против пяти тысяч.

В комнате воцарилась такая тишина, что было слышно, как потрескивает фитиль масляной лампы в углу.

Цинь Ху сидел в уголке и точил меч. Точил уже долго, не говоря ни слова. Его длинный меч упражняли в заточке целый час, и на клинке под светом лампы отражались жуткие блики, словно змеиные языки. Лицо его скрывалось в тени, выражение было не разглядеть, и лишь мускулы на челюстях подергивались в едином ритме.

Лицо Су Цзиньшу побледнело, но руки оставались твердыми. Она производила расчеты: на сколько дней хватит продовольствия, достаточно ли лекарств, где разместить пункты для раненых. Кисть стремительно порхала по бумаге, ряды цифр сменяли друг друга, костяшки счетов щелкали громко и ритмично. После каждого подсчета ее брови хмурились все сильнее.

Чэн Яньцю сидел на корточке у дверей и молча приводил в порядок медицинские сумки.

<http://bllate.org/book/21208/2146545>